

Реакция госпожи Гуань показалась управляющему предвестницей бури. Поспешно утирая холодный пот со лба, он принялся объяснять:

- Лекарство действительно было собрано в нашей лавке, но рецепт принадлежит не Суньхэтан. В тот день третий молодой господин Ли продал этот рецепт вашему сыну. Я тогда же просил молодого господина Гуаня, чтобы он честно рассказал вам о происхождении снадобья.

Управляющий про себя рассудил, что молодой господин Гуань наверняка побоялся признаться матери, у кого взял рецепт, и решил промолчать. Теперь же вышло досадное недоразумение. Если бы с молодым господином что-то случилось после приёма лекарства, госпожа Гуань могла бы подумать, что Суньхэтан пытается снять с себя ответственность - и тогда им бы вовек не отмыться от позора. Зная он заранее, что всё так обернётся, в тот день обязательно бы уговорил юношу собрать травы в другой аптеке.

- Вы утверждаете, что Ли Тяньян продал рецепт моему сыну? - госпожа Гуань прищурилась, и в её глазах мелькнуло сомнение.

В последнее время имя Ли Тяньяня было у всех на устах в Цзиньчэне, однако никто не упоминал, что он сведущ в медицине. Неужели он сам раздобыл этот рецепт у какого-то лекаря?

- Именно так всё и было, клянусь вам! - управляющий закивал с такой частотой, будто рассыпал чеснок, готовый подтвердить свои слова любыми обетами.

- Что же вы раньше молчали? Только зря время на вас потратила. Чунь-эр, уходим, - как только правда открылась, благосклонная улыбка мгновенно исчезла с лица госпожи Гуань. Одарив лавочника холодным взглядом, она развернулась к выходу.

Служанка Чунь-эр, видя, что хозяйка уходит, поспешила следом с подносами в руках:

- Госпожа, а как же эти дары?..

- Глупая, конечно же, забираем их обратно, - не оборачиваясь, бросила госпожа Гуань. В душе она уже всю сетовала на сына: Жань-эр действительно хорош, раз вздумал скрывать от матери такие важные вещи.

Работники аптеки остались в полном недоумении от столь стремительной перемены в настроении гостыи.

- Поговаривают, что госпожа Гуань переменчива, как весенний ветер. Сегодня мы в этом убедились на собственном опыте, - прошептал один из помощников.

Управляющий тоже долго стоял в растерянности, пока до него наконец не дошло:

- Неужели рецепт Ли Тяньяня действительно сработал? - При этой мысли он с досадой хлопнул себя по лбу: - Какая оплошность! Какая непростительная оплошность!

- Шевелитесь, не мешкайте! Где ковры? Почему до сих пор не расстелили? А столы? Вы сами посмотрите, ровно ли они стоят? Немедленно поправьте. И почему занавеси красные? Уберите их все, старая госпожа предпочитает нежно-золотые тона, не смейте ошибиться!

Няня Цай без устали сновала по главному залу для приёмов, лично проверяя каждую мелочь. Она опасалась, что какая-нибудь оплошность ускользнёт от её взора. До юбилея старого господина оставалось всего два дня, и никто в поместье Ли не смел расслабляться: любая заминка в день торжества наверняка повлекла бы за собой гнев и суровое наказание от старой госпожи.

Весь дом, кроме парадного зала, уже был украшен фонарями и лентами, сияя праздничным обновлением. Однако эта суэта совершенно не коснулась двора Цинчжу, где по-прежнему царил безмолвие и запустение.

Многие в поместье уже знали, что Ли Тяньянь подписал купчую об отделении. Теперь, когда он перестал представлять хоть какую-то угрозу, а госпожа Линь была слишком занята своим изуродованным лицом, про обитателей двора Цинчжу словно забыли. Никто больше не желал даже упоминать их имена.

Для Ли Тяньяня это было лучшим подарком. Каждый день он принимал целебные ванны, а в свободное время наставлял Чэн Ци в культивации, понемногу входя во вкус роли учителя. Жизнь в тишине и покое текла размеренно. К тому же Чэн Ци оказался на редкость прилежным учеником: он схватывал всё на лету, что приносило Ли Тяньяню немалое удовлетворение от процесса обучения.

В тот день Чэн Ци, получив очередные наставления, погрузился в глубокую медитацию на кушетке в своих покоях. С наступлением ночи Ли Тяньянь внезапно почувствовал, что тонкий аромат, всегда исходивший от юноши, стал необычайно густым и насыщенным.

Почуввав неладное, Ли Тяньянь мгновенно вышел из транса. Открыв глаза, он увидел, как из тела Чэн Ци непрерывным потоком струится тёмная дымка.

Ли Тяньянь сосредоточился, и его брови сошлись на переносице. Стоило обладателю тела Тяньинь ступить на путь совершенствования, как его скрытая конституция начинала пробуждаться, особенно в часы, когда энергия Инь была наиболее сильна. Однако он не ожидал, что эта вспышка произойдёт так скоро.

Он порадовался лишь тому, что поблизости не было других заклинателей, иначе такое мощное проявление тела Тяньинь могло бы привлечь нежелательных гостей. Чтобы обезопасить

юношу, Ли Тяньянь быстро достал кисть и начертил вокруг него сдерживающий массив из талисманов.

Когда последний штрих лёг на лоб Чэн Ци, тёмная дымка заметно поредела, и Ли Тяньянь смог немного перевести дух.

Но вскоре стало ясно, что он радовался преждевременно. Хотя энергию Инь удалось приглушить, нежное благоухание никуда не исчезло. Более того, аромат изменился: он стал невероятно притягательным и манящим, проникая в самое сознание.

В этот миг Ли Тяньянь окончательно осознал, почему обладателей тела Тяньинь называли «высшими сосудами». Если бы рядом оказался практик, пожелавший использовать его для парного совершенствования, он обрёл бы невероятную мощь, в то время как сам обладатель тела, истощив свой природный дар, превратился бы в безвольную игрушку. Ли Тяньянь знал об этом, но он и представить не мог, что пробуждение этой силы сопровождается столь мощным дурманящим ароматом, словно сама природа призывала наброситься на беззащитную жертву.

Чтобы не поддаться этому наваждению, Ли Тяньяню пришлось непрестанно читать Заклинание Чистого Сердца. Однако время шло, и аромат становился всё более властным и дерзким. Около двух часов ночи произошёл окончательный прорыв: сдерживающие талисманы не выдержали, и волна энергии Инь вместе с пленительным благоуханием заполнила всю комнату.

Чэн Ци в этот момент было несладко. Он чувствовал, как внутри него ведут ожесточённую борьбу потоки жара и ледяного холода. Всё его существо словно разрывалось на части в этом водовороте; он задыхался, не в силах совладать с бушующей энергией, и мог лишь беспомощно ловить ртом воздух, подобно утопающему.

В какой-то момент Чэн Ци почувал рядом нечто тёплое. Едва его губы коснулись этого источника тепла, как сковывающий холод начал понемногу отступать, а внутренний жар - утихать. Почувствовав облегчение, Чэн Ци, словно хватаясь за спасительную соломинку, крепко прильнул к Ли Тяньяню, боясь, что этот единственный шанс на спасение исчезнет.

Ли Тяньянь, зажатый в объятиях юноши, едва не задохнулся, но не посмел оттолкнуть его. Он сосредоточился и начал стремительно вращать Технику Пяти Стихий, поглощая и преобразуя избыточную энергию Инь, хлынувшую в него из тела Чэн Ци.

На краткий миг Ли Тяньянь потерял самообладание под воздействием дурманящего запаха. Очнувшись, он обнаружил, что они тесно прижаты друг к другу, а их губы соприкоснулись. Мощный поток энергии Инь перетекал в его тело, и Ли Тяньянь инстинктивно направил её в свои меридианы.

К его удивлению, эта энергия не вступила в конфликт с его собственной силой, а начала преобразовываться в новый вид энергии. В его даньтяне, рядом с пятью разноцветными сферами стихий, начал формироваться и расти новый, чёрный вихрь. По мере того как Ли Тяньянь впитывал излишки из тела Чэн Ци, этот чёрный сгусток увеличивался в размерах,

пока не стал в три раза больше остальных пяти, после чего процесс наконец замедлился.

В комнате воцарилась абсолютная тишина. Двое замерли в тесных объятиях, а окутывавшая их тёмная дымка постепенно исчезала, поглощаемая Ли Тяньнянем.

Как только состояние его тела пришло в норму, Чэн Ци распахнул глаза, желая увидеть того, кто спас его от мучений. Перед ним оказалось лицо Ли Тяньняня. На мгновение юноше показалось, что это лишь плод его воображения.

Ли Тяньнянь же, взглянув на Чэн Ци, замер в изумлении. Похоже, из-за того, что избыток энергии Инь был полностью вытянут из тела юноши, уродливое тёмное пятно на его лице бесследно исчезло.

Без этого пятна перед Ли Тяньнянем предстало чистое, благородное лицо с выразительными глазами в форме лепестков персика. Пунцовая метка шуан'эр, ярко горевшая над левым глазом, придавала его облику особую, чарующую привлекательность.

В этом лице удивительным образом сочетались невинная чистота и пленительное очарование. Даже Ли Тяньнянь, повидавший в своей прошлой жизни немало прекрасных заклинательниц, был на мгновение ослеплён этой красотой.

Спустя несколько долгих секунд Чэн Ци наконец пришёл в себя. Сгорая от стыда, он мгновенно отпрянул от Ли Тяньняня и вскочил на ноги:

- Молодой господин... я... я не нарочно!

- М-м, - Ли Тяньнянь, освободившись от его объятий, с бесстрастным видом отступил на шаг и выпрямился.

- Тогда... я пойду спать, - в крайнем смущении Чэн Ци наспех натянул обувь и пулей выскочил из покоев Ли Тяньняня.

Ли Тяньнянь проводил его взглядом и только тогда позволил себе глубоко выдохнуть. Маленький проказник умудрился во время этой вспышки прорваться на второй уровень стадии Закалки ци, хотя, судя по его реакции, сам он этого даже не заметил.

Дурманный аромат в комнате постепенно рассеялся. Ли Тяньняню следовало бы немедленно погрузиться в медитацию, чтобы усмирить и окончательно переварить поглощённую энергию Инь, однако всю оставшуюся ночь он провёл, сидя на кровати и читая Заклинание Чистого Сердца.